

*Виктория Горбань, Алла Порожнюк*  
**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИКРОКАТЕГОРИИ  
НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ  
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Для эволюционирующей цивилизации довольно долго был характерен неравномерный уровень развития наук: достаточно высокий для технических и значительно меньший для гуманитарных, основным предметом исследования которых является человек в его делах, эмоциях, мыслях, фантазиях. И только в XX веке наблюдается активное движение «от сферы систем к центру систем, к человеку» [7, с. 105]. Еще Д. Юм писал в XVIII веке: «... несомненно, что все науки в большей или меньшей степени имеют отношение к человеческой природе и что, сколько бы удалёнными от последней ни казались некоторые из них, они всё же возвращаются к ней тем или иным путём» [8, с. 82]. Принцип антропоцентризма был возрождён в полной мере в начале XX века представителями антропологической философии. С этих пор в философии, культурологии, лингвистике и других науках наметилась тенденция к более полному изучению человека: его природы, внутреннего мира, менталитета. При этом возрастает убеждённость, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки. Ведь еще В. Гумбольдт писал: «Изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [2, с. 119].

Язык понимается как составная часть культуры и её орудие, действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнажённом виде специфические черты национальной ментальности [3]. В связи с этим исследования в русле контрастивной лингвистики являются актуальными, что и обусловило выбор темы нашей статьи.

Рассмотрение механизмов номинации человека привлекает внимание лингвистов ещё и из-за количественной наполненности этой тематической группы. Так, по подсчётам А. Г. Лыкова, в словаре Академии Российской (1806–1822) процент названий лица по отношению к общему числу слов составляет 4,9%; в Толковом словаре В. Даля (1880–1882) – 6%; в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940) – 6,3%; в словаре С. И. Ожегова (1953) процентное соотношение возросло до 6,6% [5, с. 22].

Изучение наименований лица особенно интересно со словообразовательных позиций, так как словообразование и есть то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование обозначения элементов внешнего и внутреннего опыта человека [4, с. 223]. В современной дериватологии наименования лица активно исследуются с различных

позиций: с учётом лексико-семантических групп, стилистической окраски производных, их производящих. На материале современного русского языка описаны наименования лица в исследованиях Л. А. Шкатовой, Л. И. Васильевой, И. А. Долговой и др.; на материале древнерусского языка написаны работы В. Л. Воронцовой, Ю. С. Азарх.

Цель данной работы – установить на материале наименований лица в русском, немецком и английском языках иерархическую упорядоченность словообразовательной категории и выделить в словообразовательной макрокатегории отсубстантивных наименований лица её составляющие – микрокатегории.

В современной дериватологии имеются работы по отсубстантивным наименованиям лица (Э. П. Данилова, Е. С. Бесценная), но рамки исследования в них ограничиваются определённым суффиксом. Работ, в которых отсубстантивные наименования лица исследовались бы в комплексе их формальных показателей при ведущей роли содержательной стороны, пока нет. Новизна данного исследования заключается и в выборе единицы описания – словообразовательной категории, которой в теории словообразования отводится периферийное место по сравнению с другими комплексными единицами. Сопоставительный анализ словообразовательных категорий в различных языках также проводится впервые.

Словообразовательная категория является незаменимой при сопоставительно-типологическом изучении словообразования, так как в её пределах взаимодействуют разные форманты, словообразовательные типы и способы словообразования, то есть она полностью покрывает словообразовательную зону номинационного поля. Будучи единицей абстрактной, словообразовательная категория сближается с категорией грамматической, но степень абстракции у них различна, что обусловлено видом значения, с которым она соотносится. Словообразовательная категория обобщает значения лексические, в то время как для категории грамматической они вообще несущественны. Как единица столь значительная и наиболее «удобная», словообразовательная категория, вместе с тем, не играет той роли в теории словообразования, какую исполняет категория грамматическая в теории грамматики, более того, словообразовательной категории обычно отводится периферийное положение по сравнению с такими единицами, как словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательное гнездо.

Обобщённость, абстрактность, присущие словообразовательной категории, делают её наиболее удачной при описании исследуемого материала, т. к. позволяют представить словообразовательные значения, в которых словообразовательная категория находит своё конкретное выражение, списком: словообразовательное значение отсубстантивных наименований лица (*дворник, Bibliothekar, logician*), словообразовательное значение от-

глагольных наименований лица (*niscатель, Maler, builder*), словообразовательное значение отадъективных наименований лица (*высотник, Bekannte, satty*). Впервые к словообразовательной категории как единице описания обратился И. И. Ковалик, но у него она не играет ведущей роли, а является лишь ступенью последовательного обобщения словообразовательных единиц. Значительно больше внимания уделено этой единице чешскими учёными и прежде всего М. Докулилом, хотя при всей широте охвата, многоплановости ему не удалось избежать некоторых неточностей. Включив словообразовательную категорию в состав способа словообразования, он тем самым обрёл словообразовательную категорию на описание в рамках отдельных способов выражения словообразовательных значений, то есть связал её со словообразовательным типом синонимическими отношениями. Но отношения этих двух единиц носят иной характер.

Словообразовательная категория, отвлекаясь от материальной определённости форманта, основывается прежде всего на инвариантности функции (значения и назначения). Вот почему вслед за Р. С. Манучаряном мы предлагаем называть словообразовательный тип единицей формально-функциональной, а словообразовательную категорию – функционально-формальной [6, с. 9]. Словообразовательную категорию можно также определить как совокупность синонимических словообразовательных типов. Словообразовательные типы в данной ситуации выступают как своеобразные конкретные варианты данного инварианта.

Словообразовательная категория представляет собой иерархически организованную систему, в которой, как нам кажется, следует выделять словообразовательные категории нескольких уровней: макрокатегории, категории А, категории Б, микрокатегории. Макрокатегория – это наименования лица, представленные всей совокупностью производных. С учётом частеречных характеристик производящих в макрокатегории выделяются категории А: отсубстантивные наименования (*архимиллионер, Epikureer, marxist*), отадъективные наименования (*дежурный, Kranke, goody*), отглагольные наименования лица (*незнайка, Kämpfer, writer*).

Категории А в свою очередь подразделяются на категории Б с учётом конституирующих формальных средств: префиксальные категории (*архимодник, Antifaschist, antihero*), суффиксальные категории (*платоник, Sänger, monarchist*), композитные категории (*капитан-директор, Feuerwehrmann, flower-girl*).

Особо следует остановиться на последнем типе категорий. Композиты как разновидность производных слов наиболее продуктивны в немецком языке. Можно утверждать, что структурный тип сложных слов, в которых в качестве первого конституента выступает составная основа, обладает большой словообразовательной активностью. Он не имеет аналога в сфере

словосложения русского языка. Смысловое содержание подобных слов передаётся в русском языке разнообразными словосочетаниями: *Achtstundentag* – «восьмичасовой рабочий день», *Drei-Mächte-Pakt* – «пакт между тремя державами», ... *Rundtischgespräch* – «разговор за круглым столом» [1, с. 75]. Та же картина наблюдается и в сфере наименований лица: *Durchreisende* – «транзитный пассажир», *Goldschmied* – «золотых дел мастер», *Kleingewerbetreibende* – «мелкий ремесленник», *Pantoffelheld* – разг., «муж, находящийся под каблуком у жены». Композитное образование настолько активно в немецком языке, что довольно часто русским суффиксальным дериватам соответствуют композиты: *фронтовик* – *Frontsoldat*, *заочник* – *Fernstudent*, *сплетник* – *Klatschbruder*.

Сопоставление номинативного поля лица в русском и немецком языках позволяет выявить ещё одну закономерность: аффиксальная система русского языка обладает такой деривационной потенцией, что, присоединяясь к корню, передаёт достаточно разнообразную палитру смысловых оттенков, что для немецкого языка менее характерно. Вот почему русским производным могут соответствовать определённые словосочетания, имеющие описательный характер: *здоровяк* – *kerngesunder Mensch*, *добряк* – *herzensguter Mensch*. В качестве эквивалентов могут выступать и субстантивированные прилагательные: *усач* – *der Schnurrbärtige*, *толстяк* – *der Dicke*.

Словообразовательные категории Б также неоднородны: в них выделяются микрокатегории, которые и формируют характер категорий высшего уровня, согласно общей теории систем.

Словообразовательные микрокатегории, категории Б и категории А вступают между собой не только в отношения, которые можно условно назвать отношениями «включения» (т. е. вхождение единицы низшего уровня в единицу высшего уровня), но и в отношения «частичного пересечения». Каждая категория А имеет свой набор категорий Б, в котором выделяются категории специфические, характерные только для определённой категории А, но есть и категории Б, одинаковые для всех категорий А. Так, например, префиксальная категория входит исключительно в отсубстантивную категорию А, в то время как суффиксальная категория входит в состав всех категорий А без исключения. Такие же отношения наблюдаются и между категориями Б и микрокатегориями. Категории Б, различаясь набором, количеством микрокатегорий, имеют и общие микрокатегории, причём общность выявляется не только внутри одной категории А, но и между всеми категориями. Так, например, словообразовательная микрокатегория с семами «профессионализм» и «умение» выделяется в отсубстантивных наименованиях лица (*тепловозник*, *Organist*, *fantast*) и в отглагольных (*изобретатель*, *Übersetzer*, *teacher*).

Словообразовательные микрокатегории наименований лица в

русском, немецком и английском языках имеют универсальные черты. Во всех этих языках в отсубстантивных наименованиях лица выделяется 11 сем: «профессионализм», «умение», «занятие», «приверженность», «создание», «участие», «склонность», «обладание», «место», «население», «состояние», которые, вступая в семантические отношения, образуют 25 словообразовательных микрокатегорий. Определяя словообразовательные микрокатегории, мы, по сути, решаем проблему исчисления словообразовательных значений.

Синтагматические возможности сем также одинаковы в трёх языках. Наблюдается своеобразная закономерность между частотностью сем и их сочетаемостью: сочетаемостные возможности малочастотных сем весьма ограничены – они могут сочетаться только с одной семой. Так, сема «состояние» сочетается только с семой «склонность» (*меланхолик, Sadtist, somnambulist*). Высокочастотные семы таких ограничений не имеют.

Сочетаемость сем строго регламентирована рамками словообразовательной микрокатегории: есть семы, которые могут самостоятельно эксплицировать словообразовательное значение микрокатегории, но в большинстве случаев это достигается сочетанием сем. Сочетаемость может быть высокой, практически безграничной, например, у сем «умение» (формирует 10 словообразовательных категорий) и «профессионализм» (входит в 7 словообразовательных категорий), но может наблюдаться и полное отсутствие сочетаемости (у семы «население»).

Семы, образующие словообразовательные микрокатегории, по характеру манифестации могут быть эксплицитными и имплицитными, обнаруживая при этом определённую закономерность. Эксплицитная сема «профессионализм» в обязательном порядке предполагает наличие имплицитной семы «умение» (*психологист, Telegraphist, hydrologist*). Сема «создание» предполагает наличие имплицитной семы «умение» (*скульптор, Keramist, medallionist*).

Продуктивность словообразовательных средств и моделей различна в рассмотренных нами языках. Для русского словообразования наиболее характерна суффиксация, выделяется более 25 суффиксов со значением «наименование лица». В немецком и английском языках суффиксация менее продуктивна. В немецком языке продуктивными являются суффиксы -er (-ler, -ner, -anser, -enser) и -ling: *Lehrer, Sportler, Gärtner, Afrikaner, Hallenser, Liebling*. Они обычно соответствуют отглагольным суффиксам -ец и -тель в русском языке. В настоящее время суффикс -er потерял свою продуктивность как средство образования отыменных названий активно действующих лиц.

В английском языке модель с суффиксом -er называют моделью с абсолютной продуктивностью. Но если все дериваты рассмотреть с учётом словообразовательных микрокатегорий, то можно обнаружить

некоторые ограничения. Например, в словообразовательных микрокатегориях с ядерными семами «место», «население» продуктивность этой модели значительно ниже: *Londoner; cottager*. Вот почему, на наш взгляд, уместней говорить о продуктивности словообразовательных микрокатегорий, т. к. они оказывают определённое влияние на продуктивность аффиксов. Модель с суффиксом *-ist* наиболее продуктивна в микрокатегории с семой «приверженность» (*Marxist, evolutionist*), хотя выявляется и в других словообразовательных микрокатегориях: с семами «умение» (*bicyclist*), «профессионализм» (*journalist*), «создание» (*monologist*), «склонность» (*formalist*). Точно такая же картина наблюдается с суффиксом *-ist* и в русском языке.

Количественный состав микрокатегорий также различен в рассмотренных нами языках, хотя и незначительно. Для агентивных номинаций в английском языке продуктивным является суффикс *-er*, в немецком и русском – *-ist* и *-ист*. Различаются языки и «модными» аффиксами: в английском языке – это суффикс *-nik* (*citynik, peacenik*), в русском – префикс супер- (*супербабушка, супертёща*). Для английского языка характерна своеобразная детализация в сфере наименований лица: в основу номинации кладётся и видовой, и родовой признак; в русском языке – только родовой: *рыбак* и *fisherman* – «рыбак», *herringer* – «тот, кто ловит сельдь», *oysterman* – «тот, кто ловит устриц».

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам: отношения между внеязыковой действительностью и наименованиями лица носят более глубокий характер, чем можно предположить на первый взгляд. Они выявляются как на уровне сем, так и на уровне словообразовательных микрокатегорий. Частотность сем, характер словообразовательных микрокатегорий (открытость или закрытость), продуктивность предопределены экстралингвистической ситуацией.

1. Балин Б. М. Очерки русско-немецкой контрастивной грамматики. Имя.– Калинин: КГУ, 1982.– 87 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984.– 254 с.
3. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество.– М.: Наука, 1998.– 98 с.
4. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация.– М.: Наука, 1977.– С. 222–303.
5. Лыков А. Г. Образование имён существительных со значением лица в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.– М., 1959.– 23 с.
6. Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках.– Ереван: Луйс, 1987.– 315 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности// Вопр. языкознания.– 1994.– № 2.– С. 105–112.
8. Юм Д. Соч.: В 2 т.– Т. 1.– М.: Мысль, 1965.– 312 с.